

СЛОВО О БЛОКЕ

С. С. НАРОВЧАТОВ

Александр Блок — художественное явление огромной силы и размаха, соединяющее в себе русскую классику и новое, советское искусство.

Жизнь Александра Блока, казалось бы, небогата событиями. Он родился и вырос в семье, принадлежавшей к верхам русской академической интеллигенции. Домашнее образование, гимназия и университет последовательно обозначили детство, отрочество и юность поэта. К нему рано пришла известность. «Стихи о Прекрасной Даме» открыли перед ним двери лучших литературных издательств и журналов. В начале зрелости он уже был автором многих блестящих стихотворений, поэм, пьес. Жизнь его текла без внешних потрясений и катастроф.

Откуда же такой размах творчества, бесконечная глубина его поэзии? Александр Блок жил в эпоху войн и революций, тютчевская формула о «роковых минутах мира» может быть полностью отнесена к нему. Поэтическое бытие Блока вобрало в себя отголоски Порт-Артура и Цусимы, громы и раскаты первой мировой и гражданской войны. Оно освещалось всполохами 1905 г., заревами Февральской и Октябрьской революции.

Все эти эпохальные события отложились в душе поэта, заставили тревожней биться сердце, зажгли взгляд провидческим вдохновением и пророческой мудростью. Первым из крупных русских художников он прямо и безоговорочно ответил на главный вопрос, вставший перед людьми его круга, культурным слоем русских людей. 14 января 1918 г. на вопрос газеты «Петроградское эхо»: «Может ли интеллигенция работать с большевиками?» — Александр Блок ответил: «Может и обязана». Это сказал автор «Стихов о Прекрасной Даме», «Незнакомки» и «Шагов командора» — знаменитый поэт, творчеством которого завершился многолетний период русской поэзии и начинался новый, советский путь ее развития.

Какие силы подвигли Блока так четко определить свою позицию в эти дни? Можно бы назвать немало таких сил, но концентрируя внимание на главном, нужно выделить из них две — отрицательную и положительную, которые образовали одну равнодействующую в грозное время революции. Рождение этих сил в его душе надо отнести ко времени задолго до 1917 г., а развитие их происходило вместе с развитием его творчества.

Первая — сила отрицания — не сразу возникла в нем. Редко кто из поэтов вступал в жизнь, исполненный таких чистых надежд и возвышенных мечтаний, как Александр Блок. Сама жизнь, однако, с жестокой требовательностью вырвала у его музы новые звучания. Читателям молодого поэта после «Стихов о Прекрасной Даме» было неожиданным встретить суровые строки «Фабрики».

В соседнем доме окна желты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу все с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

«Фабрика» стала одним из первых стихотворений Блока, запрещенных царской цензурой. Такие стихи, будь тогда поэт хоть на полшага ближе к революции, охотно бы напечатала любая большевистская газета. Интуицией большого художника Блок ощутил и разделил главное: груд и его присвоение. «И в желтых окнах засмеются, что этих нищих провели». Напомним, что для многих поэтов и писателей в те времена фабрика была овеществленным Добром или Злом без внутренних градаций. Одни славил ее как пришествие цивилизации в дикость, другие проклинали как вторжение города в патриархальность. Поэт в шестнадцати строках, как бы мы сказали сейчас, провел четкий классовый анализ нового для себя явления. Впервые проснулась в нем сила отрицания: всей своей душой, всей художнической натурой, всем своим лирическим существом он возненавидел этих недвижных, черных, смеющихся в желтых окнах. Какие плоды принесла эта ненависть, мы увидим дальше.

«Готовым к весне» вступал в поэзию Александр Блок. А душевный перелом бросал его прямо в осень. Меняется тон и «цвет» стихов Блока. Поэтический цикл «Город» вырастает под знаком нарастания и крушения первой русской революции 1905 года. От этих дней к нам дошел знаменитый «Митинг», но с его ниспровергательной сутью могут поспорить резкие ноты отрицания существовавшего порядка в стихотворении, написанном в дни всеобщей забастовки. Оно называется «Сытые»:

Они давно меня томили:
В разгаре девственной мечты
Они скучали, и не жили,
И мяли белые цветы.

Теперь им выпал скудный жребий:
Их дом стоит неосвещен,
И жгут им слух мольбы о хлебе
И красный смех чужих знамен!

И вот — в столовых и гостиных,
Над грудой рюмок, дам, старух,
Над скукой их обедов чинных
Свет электрический потух.

Пусть доживут свой век привычно —
Нам жаль их сытость разрушать.
Лишь чистым детям — неприлично
Их старой скуке подражать.

.....
Так — негодует всё, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнивший хлев!

Эту ненависть к «сытым», к власть имущим Блок сохранит и упрочит в дальнейших стихах. Он не переносит слова «буржуазность», оно отвратительно ему и по звуку, и по смыслу. В нем самом еще долго будет держаться ощущение «чистых детей», отмахивающихся от «старой скуки» своих отцов, но эта высокомерная брезгливость вскоре уступит место действительному негодованию.

Отвращение к буржуазности он распространяет и на свой быт. «Пойми, наконец, — пишет он жене, — простейшую вещь: что все современное производство вещей есть пошлость и не стоит ломаного гроша, а потому покупать можно только книги и предметы первой необходимости».

Отталкивание от буржуазной культуры у него повсеместно и не ограничивается Россией. Вот что он пишет о Франции: «Я, как истинно русский, все время улыбаюсь злорадно на цивилизацию дредноутов, дантистов и риселле. По крайней мере над этой лужей, образовавшейся из человеческой крови, превращенной в грязную воду, можно умыть руки. Над всем этим стоит культура, неудачно и неглубоко названная этим именем».

Если вы под этим углом зрения перечитаете стихи Блока, вам явится вся сила ненависти поэта к буржуазности и ее спутнику — мешанству. В тра-

гически-прекрасной «Незнакомке» вы услышите «тлетворный дух» этой буржуазной пошлости, когда

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается женский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

Буржуазная пошлость пока еще не в силах растоптать и погубить истинную красоту, воплощенную в Незнакомке, «очи синие, бездонные цветут на дальнем берегу», — но дышащая «духами и туманами» Незнакомка уже взята в порочное кольцо, разорвать которое может одна поэзия.

Что же могло оберечь поэта от тлетворного духа буржуазности, обыденного и интеллектуального мещанства? Чутьем огромного художника Блок ощущал ненормальность жизненного уклада, окружавшего его со всех сторон, видел удивительную страну, которая навевала на него светлые мечты и надежды, возбуждала в нем вольные мысли и чувства.

Такой страной была Россия. Но не Россия самодержавная, имперская, официальная, а та, которую он носил в своем сердце.

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несущий . . .
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота загуманит
Твои прекрасные черты.

« . . . Тема о России . . . Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь, — пишет Блок. — Все ярче сознаю, что это — первейший вопрос, самый жизненный, самый реальный. К нему-то я подхожу давно, с начала своей сознательной жизни и знаю, что путь мой в основном своем устремлении — как стрела, прямой. . . Несмотря на все мои уклонения, падения, сомнения, покаяния — я иду».

Только вот эта Россия, с которой «невозможное возможно» и «дорога легка» могла спасти поэта от одиночества, замкнутости, самоуничтожения. Именно она могла в глухие годы подсказать ему опьяняющие своей жизненностью стихи:

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь!
Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха — позорного нет!

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Все равно: принимаю тебя!

Он не идеализировал Россию. «Ненавидя, кляня и любя», писал он поразительные строки:

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскяться...
Вольному сердцу на что твоя тьма?

И, продолжая «ненавидеть, клясть и любить», решал вместе с Россией ее тысячелетние вопросы:

Знала ли что? Или в бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых...

За море Черное, за море Белое
В черные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что же маячишь ты, сонное марево?
Вольным играешься духом моим?

И теперь только с народом, в понимании его судеб и слиянии с народными судьбами, он искал выход из тупиков «страшного мира». Характерно, что в пьесе «Песня судьбы» лейтмотивом, выводящим ее героя из беспросветной снежной заметы, становятся некрасовские «Коробейники».

Он пишет: «Кто прозорлив, хоть немного, должен знать, что в трудный писательский путь нельзя гускаться налегке, а нужно иметь хоть в зачатке «Во имя», которое бы освещало путь и питало творчество».

И это «Во имя» властно влечет Блока. Оно действительно освещает его путь и питает творчество поэта. Уже тогда начались отречения от Блока среди его бывших единомышленников — это была для них как бы репетиция к генеральному разрыву с ним в дни Октября. «Александр Блок, рыцарь «Прекрасной Дамы», как будто выскочивший прямо из готического окна с разноцветными стеклами, устремляется в некультурную Русь». . . к «исчадию Волги», — с ненавистью пишет о нем Мережковский, в будущем белоэмигрант, влейший враг Советской власти.

Все глубже проникается Блок настроениями и ощущениями своего народа. Поэтом овладевает чувство неотвратимых свершений и перемен, и, тревожно томительное, оно выплескивается в знаменитом цикле «На поле Куликовом». Уже в то время кажется ему безнадежно страшным положение человека, оторванного от народа в пору решения его судеб. Воскрешая в памяти го-голевскую «Птицу-тройку», он пишет: «Тот гул, который возрастает так быстро,

что с каждым годом мы слышим его ясней и ясней, и есть «чудный звон» колокольчика тройки. Что, если тройка, вокруг которой «гремит и становится ветром разорванный воздух, — *летит прямо на нас!*». Обратим внимание: последние строки он подчеркивает: *летит прямо на нас!* Да, события невиданного масштаба, коренной переворот в жизни народа и государства приближались с неотвратимой стремительностью.

К началу революции Блок, пройдя все улицы и закоулки «города», все края и окраины «страшного мира», выходит в ту необозримую степь, над которой поднимается мотив некрасовских «Коробейников» и огненными пламенами сверкают его собственные слова:

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль. . .

Летит, летит степная кобылица

И мнет ковыль. . .

И нет конца! Мелькают версты, кручи. . .

Останови!

Идут, идут испуганные тучи,

Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!

Плачь, сердце, плачь. . .

Покоя нет! Степная кобылица

Несется вскачь.

К началу революции отрицательная и положительная линии — отказ от старого, отжившего и утверждение нового, революционного — четко очерчиваются в творческом сознании Блока. С удивительным бесстрашием принимает он на себя возмездие за грехи своего класса в известной статье «Интеллигенция и революция». «Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? — пишет он. — Потому, что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа.

Почему валят столетние парки? — Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему — мощной, а дураку — образованностью < . . . >

Я не сомневаюсь ни в чьем личном благородстве, — пишет дальше Блок, — ни в чьей личной скорби: но ведь за прошлое — отвечаем мы? Мы — звенья одной цепи. Или на нас не лежат грехи отцов? — Если этого не чувствуют все, то это должны чувствовать «лучшие». — И продолжает дальше: — Что же вы думали? Что революция — идиллия? Что народ — пайныка?»

И с удивительной твердостью и последовательностью он безоговорочно принимает Октябрьскую революцию, идя на резкий разрыв со своими давними друзьями, читателями и почитателями среди буржуазной интеллигенции.

Октябрь слил художническое и политическое самосознание Блока в одно одухотворенное целое. И его ответ о возможности работы интеллигенции с большевиками был вполне закономерен: «Может и обязана».

В эти дни Александр Блок, по собственным словам, слушает «музыку революции» . . . Ее звучание наполняет бессмертные строки «Двенадцати». Чеканный шаг революционного патруля, воспетого гениальным поэтом, надолго определил ритм советской поэзии:

— Шаг держи революционный!

Близок враг неугомонный!

Вперед, вперед, вперед,

Рабочий народ!

Строки его становились лозунгами: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем». Поэма «Двенадцать» стала гениальным творческим свершением революции, открыла собой первую страницу советской поэзии.

Твердое и неуклонное исполнение поэтом своей революционной обязанности вызывает преклонение и восхищение. Вот перечень свершений и дел Блока в ближайшие после того три первые месяца 1918 г. Закончена поэма «Двенадцать». Создано стихотворение «Скифы». Напечатана статья «Интеллигенция и революция». Написана статья «Искусство и революция». Закончен очерк «Последние дни старого режима». Начат очерк «Катилина», где древний мятежник осмыслен революционером античности. Блок включается в работу правительственной комиссии по изданию классиков литературы и репертуарной секции Петроградского театрального отдела Наркомпроса.

Мы видим здесь редкое сочетание творческой, публицистической и общественной деятельности. И вся она в своем триединстве направлена на служение революции. Эти три месяца становятся прообразом следующих, заключительных трех лет его жизни. Выходит отдельным изданием «Двенадцать» с вдохновенными рисунками Ю. Анненкова. Блок заново редактирует и составляет тома своих сочинений; выпускает сборники лирики «За гранью прошлых дней», «Ямбы» и «Седое утро»; перерабатывает и издает пьесу «Песня Судьбы»; выходит книга «Театр», где собрана драматургия поэта.

Публицистика в эти годы чрезвычайно напряжена. Блок выступает с докладами, каждый из которых выносит на суд общества важнейшие проблемы времени, литературы, поэзии. «Крушение гуманизма» и «Без божества, без вдохновенья» — вершины его публицистики.

Огромна его общественная деятельность. По приглашению А. М. Горького он становится членом коллегии издательства «Всемирная литература» и берет на себя редактирование сочинений Г. Гейне. Его блестящий доклад о русских переводах Гейне, который он сделал на коллегии, представляет собой образец подхода, казалось бы, к частной теме. В этом докладе, кроме профессионального разбора материала, проведен анализ кризиса буржуазного гуманизма и либерализма.

Блок утверждается председателем Управления Большого драматического театра. Он участвует в работе Союза деятелей художественной литературы. Становится членом редколлегии «Исторических картин» при Петроградском отделе театров и зрелищ. Входит в коллегию литературного отдела Наркомпроса. Избирается председателем Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов. Участвует в организации Вольной философской ассоциации. И многое, многое другое.

Все это не синекуры, не почетные должности, каждой из них он отдает свой ум и сердце, каждая требует публичных выступлений, превращающихся в статьи, каждая требует поступков, вырастающих в действие, каждая требует — что особенно важно — подтверждения и обоснования своей общественной позиции в дни революции.

Мы с благодарностью и восхищением смотрим сейчас на эту деятельность Блока. Чего стоят лживые и злобные рассуждения об угасании его таланта в эти годы! . . . В поэзии с созданием «Двенадцати» он выполнил свою миссию, и после поэмы гений поэта открыл дорогу к революции через другие области человеческого интеллекта. Области, никем еще не пройденные и вновь открываемые в те дни. Ведь каждая из статей Блока, каждый из его докладов, каждая из его должностей были тогда первыми из первых. Он входил в коллегию не стародавнего министерства, а народного комиссариата молодой республики. Он вместе с другими создавал первые культурные учреждения юной советской власти. Он каждым своим поступком утверждал тогда эту

власть, и все это, вместе взятое, вписывал в общую картину становления новой культуры победившего рабочего класса.

Александр Александрович Блок скончался в 1921 г. не только русским, но и советским поэтом. Гениальный талант его получил всеобщее признание. Уроки творчества, деятельности, жизни Александра Блока глубоки и перспективны. Каждая из линий его жизни, деятельности, творчества нашла продолжение и развитие в советской литературе. Получила твердое упрочение и расширение его общественная позиция. Первостепенной задачей советского литературоведения должно стать изучение многогранной деятельности Блока в советские годы. Здесь нас ждет много находок и открытий.

Великий лирический поэт, безоговорочно поддержавший ленинское государство в самую трудную пору его становления, — таким остается Александр Блок в сознании советского народа.